

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–329

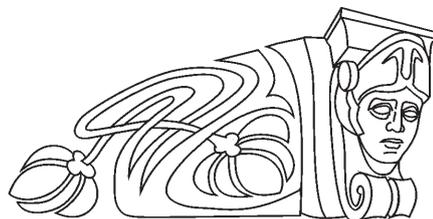
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–329

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-320-329>

Научная статья
УДК 94(410)“1”

Женщины в социальной жизни средневекового города (на материале Лондона XIV–XV веков)

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>

Аннотация. На материале оригинальных источников в статье рассматриваются место и роль женщины в социальной жизни Лондона XIV–XV вв. Показано, что, несмотря на зафиксированные обычаями и законами ограничения на социальную активность женщин, диапазон занятий горожанок – жен и вдов – был необычайно широк. Это ремесло и торговля, включая право обучать учеников, операции с недвижимостью и финансовые сделки. Женщины не просто помогали мужчинам в ремесленном цехе или торговой лавке, но и трудились самостоятельно. Статус женщин, особенно замужних, избравших участие в торговле или в городском производстве в качестве основного занятия, никогда не был полноценным. Существенное ухудшение положения женщин в публичной сфере Лондона произошло в XVI в. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на все трудности, постепенно в условиях города выработывался новый тип женщины – энергичной, предприимчивой, образованной, которая выступала в обществе как самостоятельная глава семьи и бизнеса.

Ключевые слова: средневековый город, Лондон, XIV–XV вв., горожанка, жена, вдова, торговля, ремесло, сделки с недвижимостью, финансы и кредит

Для цитирования: Чернова Л. Н. Женщины в социальной жизни средневекового города (на материале Лондона XIV–XV веков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–329. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-320-329>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Women in the social life of a medieval town (based on the material of London in the 14th–15th centuries)

L. N. Chernova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>

Abstract. The article examines the place and role of women in the social life of London in the 14th–15th centuries based on the material of the original sources. It is shown that, despite the restrictions fixed by custom and laws on the social activity of women, the range of occupations of the townswomen – wives and widows – was unusually wide. It is craft and trade, including the right to take apprentices, real estate transactions, and financial deals. Women did not just help men in the craft or trade shops, but also worked independently. The status of women, especially married women, who chose to participate in trade or in town production as their main occupation, was never fully developed. A significant degradation in the position of women in the public sphere in London occurred in the 16th century. The author concludes that, despite all the difficulties, a new type of woman was gradually developed in the city – energetic, enterprising, educated, who acts in society as an independent head of the family and business.

Keywords: medieval town, London, 14th–15th centuries, townswoman, wife, widow, trade, craft, real estate transactions, finance and credit

For citation: Chernova L. N. Women in the social life of a medieval town (based on the material of London in the 14th–15th centuries). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–329 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-320-329>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Как известно, гендерные модели конструируются обществом, предписываются существующими институтами социального контроля и культурными традициями¹. В этом смысле Средневековые осознавали себя «мужским» обществом, в котором доминировал деятельный мужчина, а интересы женщины, для которой не предусматривалось места в публичных сферах, ограничивались домом, семьей и церковью. Дискриминация женщины имела место во всех слоях общества. В сочинениях богословов господствовали антифеминные суждения, подчеркивалась особая приверженность женщин к греху, отмечалась необходимость мужской (отца, а затем мужа) опеки над ними. В светской модели мира приниженность женщин также не вызывала сомнений, что наглядно отразилось, например, в утвердившемся агнатическом счете родства, определившем власть мужа над женой, детьми и всеми домочадцами. Для социокультурной оценки места и роли женщин характерно то, что с появлением второго имени (ргепот) и жена, и дети нарекаются «фамилией» мужа и отца². Статус женщин определялся по отцу и мужу: дочь, супруга или вдова. Показательны в этом отношении завещания горожанок Лондона. Оформляя свою последнюю волю, они обязательно идентифицировали себя с мужчиной – мужем и (или) отцом. В частности, в самом начале своего завещания от 24 июня 1332 г. Изабелла указала, что она – «последняя жена Джона де Райтли, торговца сыром»³, а в завещании, датированном 25 октября 1400 г., Маргарет позиционировала себя как «вдову Джона Брэдфорда, а прежде жену Адама де Уимдэма, торговца шелковыми и бархатными тканями, дочь Ричарда Стондона»⁴.

Однако надо признать, что функционирование общественной, «мужской», сферы во многом зависело от созидательной деятельности женщин в частной жизни, от ее участия в повседневном управлении семейным хозяйством. Не случайно уже в XII в. повышается престиж женщины – хозяйки дома. Кроме того, женщины имели возможности неформального влияния на поведение мужчин, подкрепляя или корректируя их публичные действия. Именно женщины служили эффективным инструментом, при помощи которого мужчины скрепляли деловые и политические союзы⁵. Безусловно, реалии жизни были гораздо многообразнее и далеко не всегда укладывались в рамки общественных установок и нормативов. Об этом свидетельствуют примеры из жизни горожанок Лондона, женщин хотя и не знаменитых, но выдающихся в своем роде.

Социальная жизнь Лондона в XIV–XV вв. была необычайно разнообразной и сложной. В данной статье остановимся лишь на тех ее аспектах, которые имеют отношение к горожанкам и отражены в материалах находящихся в нашем распоряжении источников.

Город значительно изменил структуру занятий женщин, социальные функции которых ста-

новились все более многоплановыми. Несмотря на официальное неприятие активной деятельности женщин в любой сфере, кроме дома, спектр занятости горожанок был достаточно широк.

Как показывают завещания, женщины были вплетены в социальную ткань Лондона множеством нитей. Они оставляли своим наследникам не только предметы, относящиеся к домашнему хозяйству, одежду и украшения, но также дома, усадьбы, ренты, торговые лавки, пивоварни, пекарни, гостиницы, товары и пр. Так, Изабелла, жена Джона де Райтли, торговца сыром, 24 июня 1332 г. завещала старшему сыну «свою пекарню», а младшему – «свою пивоварню» со всеми принадлежностями: медными и оловянными сосудами и утварью, чашей, кувшином, большим баком и другими емкостями⁶. Вдова Маргарет Брэдфорд оставила по завещанию от 25 октября 1400 г. торговую лавку в приходе св. Маргарет на Лосбари, земли и строения в двух приходах, а также строения еще в двух лондонских приходах⁷. А вдова Джоанна Персон 5 января 1449 г. завещала гостиницу в приходе св. Этельбурги⁸.

Важно, что горожанки могли самостоятельно заниматься производством товаров или услуг. Т. Б. Рябова приводит перечень наиболее распространенных среди женщин средневекового города занятий: изготовление свечей, обуви, одежды, галантерейных (например, шляпок, перчаток) и скоряжных товаров, скобяных изделий (иглок, булавок, ножниц и ножей), продуктов питания. Горожанки держали постоянные дворы, таверны, были ювелирами, менялами, уличными торговцами, мойщиками, привратниками, банщиками, врачами, мельниками, иллюстраторами книг, переплетчиками и позолотчиками, жонглерами, музыкантами и акробатами. Сохранились упоминания даже о женщинах-кузнецах и каменщиках⁹.

Социальной активностью отличались не только вдовы, но и замужние горожанки, хотя объем прав и степень свободы, которыми они обладали, различались.

Еще в XIII в. в общем праве Англии утвердилась теория супружеского единства, согласно которой в браке муж и жена становятся «одной плотью» (one flesh). Это означало, что правосубъектность жены сливалась с правосубъектностью мужа: жена взяла фамилию мужа и больше не являлась юридическим лицом. Однако степень применения данной теории различалась в зависимости от того, шла речь о недвижимости (земле и пр.) или личной собственности (движимом имуществе, включая товары).

Общее право Англии по понятным причинам больше заботилось о земле, чем о движимости, поскольку в средневековом обществе именно земля была важнейшим источником богатства и статуса. В отношении недвижимой собственности замужней женщине предоставлялась некоторая свобода: она никогда не могла действовать независимо от своего мужа и не имела контроля

над его землями, но имела право претендовать на треть из них после его смерти. Над своими собственными землями (полученными в качестве приданого или другого наследства) она сохраняла право вето и могла восстановить контроль над ними, когда станет вдовой. Более того, ей разрешалось оставаться в главном доме ее покойного мужа в течение 40 дней. Лондонская вдова могла проживать в доме своего почившего мужа до конца жизни или до тех пор, пока вновь не выйдет замуж. Именно такие условия фиксируют подавляющее большинство завещаний. Приведем лишь два примера. Каменщик Уильям де Брайдзуэл в 1305 г. оставил своей жене Петронилле «главный дом в приходе св. Андрея в Корнхилл вместе с ее комнатой и всем тем, что в ней находится»¹⁰. А плотник Роджер Оускин в 1311–1312 гг. прописал, что его жена Джоанна будет проживать в доме (а также владеть всеми остальными домами, рентами и строениями в Лондоне и его предместьях) «так долго, пока остается вдовой»¹¹.

Женщина, вышедшая замуж за горожанина Лондона, не могла составить завещание, если только она не явилась в суд Хастингса вместе со своим мужем и открыто не объявляла о своей воле и согласии супруга, которое она была обязана зафиксировать в своем завещании. В противном случае оно считалось недействительным. В этом отношении показательно завещание Джоан Карр от 20 июля 1497 г.: своему мужу Джону она оставляет «... свои земли и строения в приходе св. Маргарет на Лосбери, чтобы он не препятствовал исполнению ее последней воли (so that he hinder not execution of this her last will). <...> Завещание составлено с согласия (the assent) Джона Карра, ее мужа, в удостоверение чего он ставит свою печать... (in witness where of he sets his seal...)»¹². Более того, Джоан отписывает имущество именно своему нынешнему супругу: кроме упомянутой выше недвижимости, завещанной без каких-либо условий, она оставляет ему в пожизненное владение «... все свои земли, строения и ренты в городе Стейнс, графство Миддлсекс, и в приходе св. Сепульхры в районе Ньюгейт в Лондоне»¹³.

В XIV–XV вв. сложилась практика, когда оба супруга покупали недвижимость, которой могли пользоваться совместно, затем она переходила к вдове и в конечном счете к законнорожденным детям. Лондонский обычай гласил, что муж не может навсегда отчуждать недвижимую собственность, которая принадлежала ему и жене на правах совместного владения, если последняя публично не согласится на это в суде Husting (суд графства, который собирался для рассмотрения спорных вопросов о долгах, торговле, земле и прочей недвижимости), что будет официально зарегистрировано. Городские власти в лице мэра и олдерменов Лондона отстаивали право жен, которые приобрели помещения совместно со своими мужьями, владеть ими после смерти мужа и распоряжаться по своему усмотрению¹⁴,

видимо, рассчитывая на повторный брак вдовы и заботясь об интересах ее нового супруга.

В разные источники буквально вкраплен материал о приобретении недвижимости лондонскими купцами и ремесленными мастерами совместно с их супругами. Хильда, супруга Роберта атте Мора, в начале XIV в. оставила по завещанию «все дома в приходе св. Вестада, которые она и ее муж приобрели совместно (jointly acquired)»¹⁵. Документально засвидетельствовано участие Джоан Пайел, супруги известного торговца шелковыми и бархатными тканями, столичного мэра, шерифа, олдермена второй половины XIV в. Джона Пайела, в делах мужа, связанных с движением собственности в Лондоне: в 1363–1367 гг. ее имя упоминается вместе с именем супруга в нескольких сделках (10 из 255) по приобретению земли в городе. Супруги Пайел являлись совладельцами земель и рент в родном для Джона Итлинбороу и других селениях в Нортхемптоншире¹⁶. Джоанна Хэйнемпстед в своем завещании от 24 февраля 1368 г. упоминает некие строения, «совместно приобретенные ею и ее мужем (торговцем бакалейными товарами. — Л. Ч.) в приходе св. Лоренса»¹⁷. Из завещания Джона атте Ли от 4 сентября 1413 г. следует, что земли, строения и ренты в различных приходах Лондона, завещанные этим купцом своей дочери, были приобретены им совместно с тремя скончавшимися к тому времени женами: Эгнис, Элен и Матильдой¹⁸. И ювелир Генри Бамме в завещании от 7 ноября 1413 г. отметил, что земли и строения, оставленные жене Элис, были ими куплены совместно¹⁹.

Супруги не только вместе приобретали, в том числе покупали объекты недвижимости, но и продавали их, заключали арендные сделки. Известно, что в 1318 г. лондонский купец Филипп ле Тернер и его жена Элис совместно арендовали дом и участок земли в Лондоне²⁰. Торговец шелковыми и бархатными тканями Роберт ле Кэллер в завещании от 14 февраля 1335 г. упоминает о трех своих дочерях, которые вместе с мужьями, скупщиками шерсти, арендовали некие помещения в столице, скорее всего, складские и торговые²¹. Торговец рыбой Ричард де Уотфорд и его жена Эгнис 24 июня 1319 г., напротив, сдали в аренду Уильяму де Кройдону, тоже торговцу рыбой, и его жене Кристине некие строения в приходе св. Ботольфа²². Джон де Рефхэм и его жена Матильда в 1346 г. сдали в пожизненную аренду большой особняк и лавку около рынка Уэстчип в Лондоне торговцу шелковыми и бархатными тканями²³. А мясник Томас де Кэкстон и его жена Элис продали горшечнику Уильяму Козину помещение в приходе св. Ботольфа, о чем Уильям сообщает в своем завещании, составленном 21 июля 1368 г.²⁴

Иногда горожанки действовали самостоятельно, без непосредственного участия своих мужей. Так, в 1340 г. жена (Марджери) и дочь

(Изабелла) богатого лондонского купца Ральфа де Годчепа сдали в аренду помещения в одном из престижных районов города оружейному мастеру Николасу Клерку²⁵. Условия аренды – выплата ежегодной ренты в 6 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов в течение жизни дочери – позволяют говорить о долговременной аренде и стремлении обеспечить рентным доходом Изабеллу. Впоследствии Изабелла, видимо, оказалась в затруднительном финансовом положении, и получаемая рента пришлось как нельзя кстати: ее долг Николасу Клерку составил 13 фунтов 8 шиллингов 9 пенсов и должен был покрываться за счет вычета ежегодной суммы в 20 шиллингов из указанной выше ренты²⁶.

В отношении товаров и движимого имущества ситуация для замужней женщины в общем праве была гораздо более мрачной. При вступлении в брак все движимое имущество передавалось мужу, который мог распоряжаться им по своему усмотрению. Также супруг становился собственником любой движимости, которую его жена могла получить в браке.

Хотя свободы замужних женщин в Лондоне были значительно ограничены в той мере, в какой городские обычаи следовали общему праву, тем не менее женщине, которая была замужем за свободным горожанином (freeman), разрешалось разделить привилегии, которые он получил благодаря этому статусу. Речь, прежде всего, идет о праве заниматься ремеслом, держать торговую лавку и торговать в розницу в городе.

Замужнюю женщину в Лондоне часто можно было обнаружить занимающейся своим собственным ремеслом. Она могла брать учеников, чтобы научить ремеслу (и торговле). И хотя договор об обучении заключался на имя мужа и жены совместно, в нем указывалось, что ученик (кстати, не обязательно девочка) должен был узнать о ремесле жены. Например, Мод Пикот отдала своего сына на 9 лет в ученики Роберту Сэмпсону, башмачнику, и его жене Изабель, портнихе, чтобы он научился «ремеслу Изабель»²⁷. Сохранилась также относящаяся к 1364 г. информация о Ричарде, сыне Джона Фоуда де Барнеби, ученике Джона де Детингтона и его жены Кристины²⁸.

Иногда в завещаниях, составленных горожанками, можно обнаружить сведения об учениках, находившихся в обучении непосредственно у них. В частности, Джоанна Сэкер 18 октября 1347 г. оформила свою последнюю волю, завещав сыну Томасу оставшийся срок обучения ее ученика Джона де Уолтона²⁹. Кэтрин де Хоулбек по завещанию от 25 марта 1349 г. передала двоим сыновьям и дочери оставшийся срок обучения «всех своих учеников», оговорив, что они будут проживать с ее отцом Джоном Пиче³⁰.

Представляет большой интерес завещание Матильды де Мимс, составленное 10 апреля 1349 г., позволяющее, помимо прочего, понять,

чем занималась сама завещательница. Своему ученику Уильяму она оставила «третью и при этом лучшую часть копий (картин) и инструментов, относящихся к их созданию, и один из лучших сундуков для их хранения»³¹. Видимо, Матильда имела отношение к художественному ремеслу, созданию картин и преуспела на этом поприще, получив право обучать ученика.

Судя по завещанию Летиции Кендейл, последней жены Уильяма де Кендейла, от 9 мая 1374 г., у нее тоже были ученики, которым она оставила деньги, ювелирные изделия и прочее движимое имущество³², по-видимому, не имея детей и других родственников.

Замужняя горожанка в Лондоне имела возможность выбрать своим занятием торговлю, действуя при этом, как если бы она была одинокой (незамужней) женщиной (femme sole, single woman), т. е. торговала единолично. Эта практика описана в завещании Дарси 1340-х гг.: «Если замужняя женщина следует своему собственному ремеслу в городе, в которое ее муж не вмешивается, такая женщина должна быть связана как одинокая женщина со всем, что касается ее ремесла»³³, т. е. с реализацией произведенной ремесленной продукции. Чаще всего такой торговлей занимались замужние горожанки-ремесленницы – вышивальщицы, ткачихи, портнихи, пивовары, обивщицы – и собственно торговцы.

По-видимому, существовали определенные виды торговли, в которых женщины проявляли особую активность. Это торговля продуктами питания, одеждой и разными мелочами, приходившая на улицах Лондона, а также в лавках. Горожанки очень активно занимались продажей рыбы: в 1379 г. все 18 прилавков в Чисайде и у северной стороны собора св. Павла были сданы в аренду женщинам³⁴.

О вовлеченности горожанок в торговлю свидетельствуют некоторые факты, почерпнутые из источников. Так, Петронилла Гонт, последняя жена Августина ле Гонта, в 1320-х гг. завещала Томасу, одному из своих родственников, 40 шиллингов для того, чтобы приобщить его к коммерческой деятельности (business)³⁵. В середине XIV в. торговлей не только в Лондоне, но также в Данстебле (графство Бедфордшир) и Линне (Норфолкшир) занималась Элис Эдвард, в чем ей помогал нанятый ею некто Джон Элейн³⁶. По завещанию Эгнис Солсбери, бывшей жены Адама де Солсбери, а затем жены Джона Хэмонда, торговцев пряностями, составленному 7 октября 1361 г., сыну Томасу должна была отойти часть ее товаров³⁷. Любопытно также письмо Джона Сели, отправленное брату Джорджу из Лондона в Антверпен 6 сентября 1480 г.: «... Извещаю вас, что моя сестра, ваша теть, совершила сделку с Джоном Мэтью, торговцем шелковыми и бархатными тканями Лондона, и должна получить от него в срок, о котором они договорились, 75 фунтов 16 шиллингов 8 пенсов ... Она вручила

ему долговую расписку, по которой он должен получить от вас на этой ярмарке 91 фламандский фунт. Она поручает вам уплатить эту сумму выше-названному Джону Мэтью или его поверенному, или другому подателю вашей расписки, согласно ее распоряжению и обещанию...»³⁸.

Естественно, такая экономическая независимость замужней женщины влекла за собой определенные последствия: она арендовала торговую лавку, дом или другие строения в городе и сама несла ответственность за арендную плату, отвечала на жалобы в отношении счетов, долгов и всего того, что касалось ее торговли и товаров. Не всегда женщинам сопутствовал успех в делах, подтверждение чему находим в источниках. Джоанна атте Мид, последняя жена Томаса атте Мида, торговца сукном, в завещании от 1 февраля 1348 г. распорядилась, чтобы ее пивоварня с торговыми лавками и прочим имуществом была продана для погашения долгов³⁹. В суде мэра рассматривались дела, возбужденные против замужних женщин, которые торговали самостоятельно: муж обычно упоминался в заявлении о признании вины, но на обвинение отвечала жена. Например, в 1444 г. Джон Ловелл подал в суд на Эдварда Фрэнка и его жену Кэтрин, которая торговала пивом. Женщина задолжала ему 10 шиллингов 10 пенсов за 4 бочки пива. Горожанка отказалась признать долг, и ей дали день на то, чтобы она нашла определенное количество мужчин и (или) женщин, которые согласятся свидетельствовать в пользу ее невиновности, и пришла с ними в суд⁴⁰.

Многие женщины помогали своим мужьям в ведении дел, не было редкостью и деловое партнерство мужа и жены, которое могло определять всю семейную жизнь супругов. Лондонские горожанки зачастую выступали полноправными партнерами своих мужей, по сути, образуя с ними небольшие «совместные предприятия». С середины XIV в. Эгнис Мачент помогала своему супругу Ричарду Маченту, горожанину Лондона, торговать в Ковентри⁴¹. Вместе с мужем Саймоном де Уаром, горожанином Лондона, принимала участие в торговле в Утрехте его жена Кэтрин⁴². При том, что документальных свидетельств о Джоан Пайел почти не сохранилось, очевидно, что она была компетентной, мудрой женщиной, способной не только полностью взять на себя инициативу в деле управления домашним хозяйством, но и присматривала за «бизнесом» мужа в Лондоне во время его частых деловых поездок⁴³. И для Джорджа Сели, представителя известной в Лондоне и за его пределами семейной компании купцов Сели, жена Марджери – это еще и верная помощница в делах, которая стремилась быть полезной своему супругу: «Прошу вас, сэр, не беспокоиться, все ваши товары, слава Богу, в безопасности...»⁴⁴.

Горожанки зачастую выступали деловыми партнерами своих мужей и в финансовых вопро-

сах: они совместно брали деньги в долг и отвечали за долговые расходы. Яркое тому свидетельство – долговое обязательство на 400 фунтов, выданное 2 февраля 1360 г. известным лондонским виноторговцем Джоном Мичеллом и его женой Марджери торговцу рыбой Джону де Глостеру⁴⁵. А 26 февраля 1417 г. душеприказчиками некоего Ричарда Хэрри был возвращен долг в 300 фунтов лондонскому торговцу шелковыми и бархатными тканями Томасу Чиппенхэму и его жене Айдоии⁴⁶.

Таким образом, в Лондоне концепция общего права о супружеском единстве не слишком ущемляла независимость замужних женщин. Безусловно, существовали юридические ограничения, замужние горожанки имели сравнительно небольшой контроль над собственностью и движимым имуществом и могли составлять завещания только с согласия своего мужа. Тем не менее они пользовались определенной экономической автономией, могли выбирать ремесленную деятельность и единоличную торговлю, арендовать торговые лавки, накапливать деньги (и долги), по сути иметь собственный бизнес, вносить взносы в налогообложение, помогать своим мужьям в ведении дел, обучать собственных учеников и учеников своих супругов. И нет никаких сомнений в том, что еще более широкие горизонты открывались для вдов, особенно купеческих.

Лондонский обычай гарантировал, что вдова имеет право на наследство своего мужа: на вдовью часть, которая могла составлять треть, если были дети, или половину, если их не было, его недвижимости, а также на треть или половину его движимого имущества. Это имело важное значение для вдов и ставило их экономически в очень выгодное положение. Вдове гарантировался пожизненный доход от трети земель и рент ее мужа, она могла жить в семейном доме и таким образом продолжать вести бизнес почившего супруга до тех пор, пока она снова не выйдет замуж. Если она решит сохранить статус вдовы, то сможет управлять домом и бизнесом до самой смерти. Но особенно важной была доля товаров и движимого имущества мужа, треть или половина, автоматически закрепленная за вдовой лондонским обычаем. Таким образом, к вдове могли перейти довольно крупные суммы денег и (или) ценные предметы и товары. Кроме того, стоит отметить, что вдовья часть доставалась женщине только пожизненно, а затем возвращалась наследникам мужа, в то время как товары и движимое имущество принадлежали ей полностью (*absolutely*).

Важно также, что вдова была вольна составить свое собственное завещание; от нее не требовалось согласия какого-либо родственника мужского пола. Произведенные нами подсчеты дали следующие результаты. Из 3066 завещаний, зарегистрированных в суде Husting Лондона за 1300–1500 гг., 335 (10,9 %) были составлены

женщинами, из них 135, или 40,3% к общему количеству «женских» завещаний – вдовами. В XIV в. женщины составили 283 (около 11,3 %) из 2515 завещаний, в том числе вдовы – 92, или 32,5 %⁴⁷. Для XV в. цифры следующие: 52 (9,4 %) из 551 завещания, из которых 43, или 82,7 %, – это завещания вдов⁴⁸. Полученные в отношении вдов показатели весьма приблизительны, поскольку мы учитывали только те завещания, в которых четко указано, что его составительница – вдова. На самом деле процент вдовых завещаний выше.

Возможность продолжить дело своего мужа для лондонских вдов была связана со статусом «свободной горожанки», упоминание о котором очень редко, но все же встречается в городских записях. К. Бэррон показала, что путь большинства женщин к свободе лежал через брак, т. е. женщины, имевшие статус «свободных горожанок» Лондона, на самом деле были вдовами лондонских фрименов⁴⁹. В этом смысле показательны два случая. Первый представлен в письме мэра и олдерменов Лондона, датированном 5 ноября 1369 г. и адресованном мэру и бейлифам г. Кентербери. В нем сообщается, что Элис является вдовой Саймона де Лондона, скончавшегося торговца сукном и фримена Лондона, поэтому она пользуется всеми правами свободной горожанки⁵⁰. Второй случай связан с решением суда олдерменов, который в 1465 г. провозгласил «древним обычаем» города следующий: каждая женщина, которая была замужем за свободным горожанином и жила с ним на момент его смерти, может стать свободной горожанкой при условии, что она проживает в городе и остается вдовой⁵¹.

Почти все примеры «свободных горожанок», зафиксированные в городских записях, датированы второй половиной XIV–XV в. и относятся к вдовам фрименов. Кэтрин де ла Поул в завещании от 2 июля 1387 г. указала, что она – «горожанка и свободная женщина города Лондона» («citizen and free-woman of the City of London») ⁵². Такую же формулировку находим в завещаниях Рэдганды Бэчет (23 октября 1408 г.)⁵³, Марион Стонтон (20 июля 1495 г.)⁵⁴ и Элизабет Барел (29 июня 1498 г.)⁵⁵. Несколько отличается деталями завещание Маргарет, назвавшей себя дочерью Джона Круза, покойного портного, и вдовой Джона Спенсера, пивовара, составленное в августе 1449 г. В нем она записала, что является «свободной женщиной Лондона» (freewoman of the City of London), которая была допущена к свободам города 20 мая 1449 г.⁵⁶ По-видимому, дата обретения Маргарет свободы каким-то образом подпадалась проверке: возможно, в Гилдхолле хранился реестр «свободных вдов», который со временем был утерян.

Чем для лондонских вдов был важен статус «свободной горожанки»? В 1369 г. упоминавшаяся выше Элис, вдова Саймона де Лондона, была поддержана мэром и олдерменами города в ее требовании отказаться от уплаты пошлины

в других английских городах на том основании, что она «свободная горожанка Лондона»⁵⁷, а в 1384 г. Матильда, вдова Хью Холбека, заявила о праве участвовать в суде как «свободная женщина города»⁵⁸. Вдовы, в завещаниях называвшие себя свободными горожанками, заботились, возможно, о том, чтобы обеспечить надлежащее исполнение своей последней воли в соответствии с лондонским обычаем. Таким образом, вдовы, которые хотели продолжать заниматься ремеслом и торговлей, имели хорошие шансы на получение городских свобод.

Заслуживает внимания тот факт, что вдове лондонского фримена не просто разрешили продолжать дела своего мужа, но и ожидали этого от нее. Именно по данной причине, как мы видели, городской обычай закреплял за вдовой полную или частичную долю «главного дома» ее мужа до тех пор, пока она не решит снова выйти замуж.

Действительно, после смерти купца или ремесленного мастера именно его овдовевшая жена продолжала или завершала начатое дело. Если лондонский торговец сукном Ричард Константин в своем завещании от 1342 г. назначил жену не только опекуном детей (что само по себе важно), но и «всех их товаров»⁵⁹, а торговец рыбой Джон де Мокинг де Сомерсет передал по завещанию от 1347 г. своей жене товары, находившиеся к тому времени в графствах Кент и Миддлсекс⁶⁰, то предполагалось, что эти женщины, скорее всего, будут их реализовывать. Аналогичный вывод напрашивается и в случае с Джоанной Бартон, которой в 1434 г. мужем-меховщиком были завещаны не только дома, но и торговые лавки, и различные товары⁶¹.

Следует отметить, что торговые лавки представляют собой широко распространенный объект в структуре наследства лондонских горожанок XIV–XV вв., который встречается в большинстве завещаний купцов и ремесленных мастеров. Иногда наследодатели указывают точное их количество. Так, Эндрю Мартин по завещанию от 13 апреля 1328 г. передал своей жене Элис лавку в приходе Всех Святых, а также 10 лавок в приходе Святой Троицы, и это кроме неких строений в указанных приходах⁶².

Наряду с торговыми лавками женщины – жены и дочери – получали в наследство и другие объекты недвижимости производственного и коммерческого назначения. Приведем лишь некоторые примеры. В самом начале XIV в. ювелир Ричард ле Рейгейт завещал своей жене Марджери строения рядом с воротами, ведущими во владения монахов-августинцев на Бред-стрит, а дочерям – Изабелле, Катерине, Сесилии и Маргарет – «пивоварню вместе с разными домами, лавками и прочим имуществом, расположенную рядом с указанными воротами ... и в приходе Всех Святых»⁶³. Пивоварню, а также сад и торговые лавки в приходе св. Ботольфа в Лондоне получила от своего мужа Матильда Джери⁶⁴.

Торговец скобяными изделиями Джон ле Коффри в первые годы XIV в. оставил своей жене Дионисии не только главную усадьбу в Лондоне, в которой она должна была проживать, но и торговые лавки и пекарню⁶⁵. Сукощик Питер де Иделметон одной своей дочери, Вилельме, завещал пивоварню, а другой, Джоанне, – торговые лавки и ренты на рынке Истчип⁶⁶. Дубильщик Уильям Томер по завещанию от 19 мая 1337 г. передал своей жене Айдонии пивоварню с домами, в которых, возможно, проживали те, кто непосредственно варил пиво, и торговыми лавками⁶⁷. Эгнис Подингтон в 1375 г. получила в наследство от своего мужа Роджера его пивоварню со всеми принадлежностями и лавками⁶⁸. Пивовар Джон Эплби по завещанию от 24 сентября 1408 г. тоже оставил пивоварню своей жене Джоанне⁶⁹, а булочник Гай Терри 17 марта 1436 г. наряду с землями и строениями завещал своей супруге Элис пекарню⁷⁰. Очевидно, что и Джон Эплби, и Гай Терри полагались на своих жен и рассчитывали на то, что они продолжат их ремесло.

Ножовщик Соломон де Ловар в 1311–1312 гг. оставил своей жене Изабелле торговые лавки и погреб, вероятно, винный, протянувшийся от входа в таверну «Кондюю» до стены церкви св. Томаса⁷¹, а Хью де Строби в 1316 г. завещал своей жене Саре таверну с 8 торговыми лавками⁷².

Приведенные завещания, связанные с пивоварнями, вносят дополнительные штрихи в структуру занятий горожанок Лондона. Женщины часто держали пивоварни, таверны и постоянные дворы и в связи с этим варили пиво. По данным К. Бэррон, в 1418 г. из 234 членов компании пивоваров 39 были женщинами⁷³.

А вот от некоторых женщин требовались особые деловые качества. В частности, Элис Брэмpton муж оставил согласно завещаниям от 5 июня 1405 г. и 6 ноября 1406 г. не только строения и пивоварню, но и причал⁷⁴. Аналогичное распоряжение содержит завещание ювелира Роберта Брауна от 30 апреля 1424 г.: его жена Джоанна унаследовала угловое строение вместе с причалом на Флит-стрит⁷⁵. Неизвестно, каким именно образом эти женщины использовали полученную собственность, но очевидно, что они обладали необходимыми навыками и предприимчивостью, что должны были учитывать их мужья при составлении завещаний. Возможно, Элис Брэмpton и Джоанна Браун продолжали делать то, чем занимались вместе со своими мужьями, а именно торговать, получая и отправляя товары с причалов Темзы. Это предположение подкрепляет завещание Ганноры (Gunnora) де Стратфорд, составленное еще в 1304–1305 гг.: слугам Уильяму Эдмунду и Николасу она оставила в равных частях свою долю в корабле⁷⁶. Строения и причал на Темзе завещала в 1320-х гг. сыну Гилберту Элис ла Молер⁷⁷. Такую же собственность упоминает в своем завещании от 21 декабря 1351 г. Джоанна Крос⁷⁸.

Некоторые из женщин, овдовев, фактически возглавляли семейное предприятие. В различных английских городах второй половины XIV – первой трети XVI в. таких горожанок было 10–20 %⁷⁹. В 1350-х гг. некая женщина по фамилии Обри, упомянутая как вдова и душеприказчица Джона де Бедфорда, горожанина Лондона, после смерти супруга продолжала вести его дела в Слейсе (Фландрия)⁸⁰. Вдова лондонского олдермена Элис Нотхолл в своем завещании от 28 мая 1361 г., видимо, не случайно упомянула Бартоломью Гвидониса де Каstellона, купца из Флоренции, имевшего хорошую репутацию в деловой среде Лондона и выгодный бизнес: ему завещаны различные денежные суммы, в том числе 100 фунтов, и ценные вещи, включая серебряные и золотые кубки. Исходя из текста завещания Элис Нотхолл, можем утверждать, что именно Бартоломью был деловым партнером и доверенным лицом вдовы и распоряжался, по крайней мере, частью ее денег, вкладывая их в торговые предприятия⁸¹.

Отдельные горожанки за годы вдовства сумели добиться впечатляющих достижений. Наглядный тому пример – Элис Клэйв, шелкопрядильщица XV в., в течение 30 лет оставшаяся вдовой. За это время она, помимо прочего, изготовила 12 кистей из шелковых и позолоченных нитей для украшения коронационных перчаток Ричарда III, кружева из пурпурного шелка и позолоченной нити для коронационных мантий короля и королевы Анны Невилл (коронация состоялась 6 июля 1483 г.), а также белые шелковые и золоченые кружева для всенощной мантии королевы. В ее доме проживали ученица, Кэтрин Клэйв, мальчики, которых она обучала (возможно, ученики ее мужа), двое слуг и маленькие мальчик и девочка, которых она взяла на попечение⁸².

Конечно, далеко не всегда дела вдов шли успешно. Судя по завещанию Изабеллы де Бринкел от 22 июня 1338 г., она предпочла удалиться в монастырь св. Елены в Лондоне, где и была оформлена ее последняя воля, а своему младшему сыну Томасу де Саткоуту завещала пивоварню в приходе св. Иакова, с которой взималась ежегодная рента для уплаты ее долгов⁸³. Элис Аутпин, вдова Уильяма Аутпина, дочь Уильяма Дерби, 1 июля 1361 г. тоже завещала, чтобы «все ее товары и движимое имущество были проданы, а вырученные средства использованы для выплаты долгов»⁸⁴. А вот перед вдовой Марджери Гилберт стояла более трудная задача: она должна была позаботиться о погашении не только собственных долгов, но и долгов своего почившего мужа. В завещании от 29 августа 1373 г. Марджери распорядилась, чтобы принадлежащее ей строение на Флитбридж оставалось в руках ее душеприказчиков до тех пор, пока за счет получаемых с него доходов не будут выплачены все долги⁸⁵.

В обмен на привилегию заниматься ремеслом, торговлей и финансовыми операциями

обычай Лондона требовали, чтобы вдова вела хозяйство и продолжала обучать учеников своего покойного мужа. Если она не сделает этого, обиженный ученик имел право пожаловаться в суд мэра. Как раз такой случай произошел с Джоном Хачером. В 1429 г. он сообщил суду, что после смерти его хозяина, торговца скобяными изделиями Ричарда Госселина, Беатрис, вдова покойного, распустила домочадцев и отказалась содержать и обучать его, что неминуемо приведет «к разорению и гибели»⁸⁶. В аналогичном случае Уильям Скайдмор, который на протяжении 14 лет обучался у Томаса Фоукнера, торговца шелковыми и бархатными тканями, 9 ноября 1434 г. был освобожден от обязательств, поскольку после смерти Уильяма его вдова Филиппа не смогла обеспечить Томасу содержание и обучение⁸⁷.

Если вдова не хотела вести домашнее хозяйство своего мужа и обучать его учеников, она должна была позаботиться о том, чтобы ученики были переведены к другому мастеру для завершения срока обучения.

Многие вдовы содержали хозяйство мужей и следили за тем, чтобы ученики продолжали обучение. Именно женам ремесленные мастера и купцы оставляли своих учеников. Приведем некоторые примеры. По завещанию от 21 января 1326 г. некий Саймон Дейнис передал оставшийся срок обучения ученика Томаса жене Флоренс⁸⁸. К сожалению, не ясно, чем занимался этот горожанин. Возможно, он был торговцем (завещал жене торговую лавку) и обучал своего ученика торговым премудростям. Аналогичным образом распорядились Джон ле Йонг, 24 августа 1328 г. завещавший оставшийся срок обучения двух учеников, Джона и Лоренса, жене Матильде⁸⁹, изготовитель винных бочек Уильям де Энфелд, по завещанию от 2 февраля 1345 г. передавший оставшийся срок обучения ученика Джона жене Эгнис⁹⁰, повар Уильям Лайт, завещавший 14 августа 1368 г. оставшийся срок обучения своих учеников жене Джоанне⁹¹, аптекарь Джон Оффем, 14 апреля 1391 г. распорядившийся, чтобы ученики продолжили обучение у его жены Сесилии⁹². Уильям де Глостер в завещании от 28 декабря 1346 г. записал, что оставляет своего ученика Александра де Дипдена жене Изабелле⁹³. А вот оружейный мастер Томас Уайт поступил иначе: согласно завещанию от 22 мая 1429 г. его душеприказчики должны продать оставшийся срок обучения Уильяма Стейси, а вырученную сумму передать жене Маргарет⁹⁴. Скорее всего, такое решение было обусловлено спецификой профессии оружейника, которая вряд ли была под силу женщине.

Последний раз упоминание об учениках встречается в завещании Джулианы, вдовы Уильяма Фэйреда, мясника, датированном 27 декабря 1442 г.⁹⁵ Это далеко не случайно.

Как известно, еще в XIV в., до «Черной смерти», начался процесс ограничения доступа

женщин в производство, в частности, в цехи (вследствие усиления конкуренции, опасения за качество продукции, роста политической роли цехов, развития комплекса идей, основанных на понятиях «цеховой чести» и «мужской солидарности»⁹⁶), активизировавшийся в следующем столетии. Причем это была общеевропейская тенденция. Теперь женщина, овдовев, могла лишь завершить начатую мужем работу – брать учеников, закупать новое сырье ей уже запрещалось; ее прошение о разрешении продолжить дело мужа рассматривалось и решалось в индивидуальном порядке в зависимости от возраста, количества иждивенцев, репутации, качества продукции и других обстоятельств⁹⁷.

Таким образом, для женщины, которая хотела управлять собственным бизнесом и распоряжаться своей судьбой, вдовство открывало множество возможностей, особенно если она была вдовой лондонского фримена. Городской обычай обеспечивал ей дом, пожизненный доход и значительную долю движимого имущества ее мужа. Она могла воспользоваться свободой, которая давала право продолжать вести дела мужа, держать торговые лавки, пивоварни, пекарни и пр., быть свободной от уплаты пошлин по всей Англии, участвовать в городских судах, обучать учеников мужа и быть уверенной в том, что ее завещание будет исполняться в соответствии с городскими обычаями.

Подводя итог, отметим следующее. Несмотря на те ограничения, которые налагало на социальную активность женщин их неполноправие, в том числе в распоряжении собственностью, в средневековой торговой компании и в ремесленном цехе жена и дочери мастера – купца и ремесленника – работали рядом с ним, с его подмастерьями и учениками. Диапазон и разнообразие занятий, в которых были задействованы женщины в Лондоне в XIV–XV вв., не должны нас удивлять. И все же статус женщин, избравших торговлю или участие в городском производстве в качестве своего основного занятия, никогда не был полноценным. Отношение к работе было четко дифференцировано по гендерному признаку: для мужчины это было право, для женщины – скорее, исключение, замена милостыни⁹⁸.

В XVI в., по мнению К. Бэррон, положение женщин в Лондоне значительно ухудшилось. Автор приводит интересные данные: из 1000 учеников, допущенных к свободам города в 1551–1553 гг. по завершении срока обучения, только 50, или 5 %, были представлены вдовами покойных мастеров⁹⁹. Изучение списков лондонских учеников за 1570–1640 гг. показало, что среди 8 тыс. учеников не было ни одной женщины¹⁰⁰. Видимо, увеличение численности населения столицы решило проблему нехватки рабочих рук, остро стоявшей по итогам «Черной смерти» и ряда последующих эпидемий, и по этой причине женщины были вытеснены с рынка квалифицированной

рабочей силы. Кроме того, на другом полюсе социальной шкалы купцы и разбогатевшие мастера все чаще превращались в сельских джентльменов и их женам отныне не подобало торговать, обучать учеников или вести свое собственное дело.

И все же постепенно в условиях города выработывался новый тип женщины – энергичной, предприимчивой, образованной, которая выступает в качестве главы семьи и бизнеса, хотя, безусловно, этот путь был довольно долгим и тернистым.

Примечания

- 1 См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М. : Круг, 2011. С. 506–507.
- 2 См.: Чернова Л. Н. Business-women средневекового английского города (на материале Лондона XIV–XVI веков) // Гендер и общество в истории / под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб. : Алетейя, 2007. С. 285.
- 3 Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London : in 2 parts / ed. R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, 1889. Part 1 : A. D. 1258–A. D. 1358. P. 462. (далее – Calendar of Wills.)
- 4 Calendar of Wills. London : Printed by John C. Francis, 1890. Part 2 : A. D. 1358 – A. D. 1688. P. 347.
- 5 См.: Чернова Л. Н. Леди Филпот в матримониальной политике правящей элиты Лондона рубежа XIV–XV вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М. : ИВИ РАН, 2009. № 17. С. 89–104.
- 6 Calendar of Wills. Part 1. P. 462–463.
- 7 Ibid. Part 2. P. 347–348.
- 8 Ibid. P. 518–519.
- 9 См.: Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново : Юнона, 1999. С. 94–95.
- 10 Calendar of Wills. Part 1. P. 179.
- 11 Ibid. P. 223.
- 12 Ibid. Part 2. P. 599–600.
- 13 Ibid. P. 600.
- 14 Barron C. M. Medieval London : Collected Papers / ed. by M. Carlin and J. T. Rosenthal. Kalamazoo : Medieval Institute Publications, Western Michigan University, 2017. P. 364.
- 15 Calendar of Wills. Part 1. P. 152.
- 16 См.: Calendar of the Cartulary of John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / ed. by S. J. O'Connor. London : Royal Historical Society, 1993. P. 101–192.
- 17 Calendar of Wills. Part 2. P. 127–128.
- 18 Ibid. P. 403–404.
- 19 Ibid. P. 408–409.
- 20 Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. Sharpe. Letter-Book E (1312–1337). London : John Edward Francis, 1903. P. 8.
- 21 Calendar of Wills. Part 2. P. 421.
- 22 Ibid. P. 107.
- 23 Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. Sharpe. Letter-Book F (1337–1352). London : John Edward Francis, 1904. P. 67 (далее – Letter-Book F (1337–1352).)
- 24 Calendar of Wills. Part 2. P. 129.
- 25 Letter-Book F (1337–1352). P. 56.
- 26 Ibid. P. 57.
- 27 Barron C. M. Op. cit. P. 365.
- 28 Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London, A.D. 1350–1370, enrolled and preserved among the Archives of the Corporation at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, E.C., 1885. P. 101 (далее – Calendar of Letters from the Mayor).
- 29 Calendar of Wills. Part 1. P. 510.
- 30 Ibid. P. 543–544.
- 31 Ibid. P. 576.
- 32 Ibid. Part 2. P. 163.
- 33 Carpenter J. Liber Albus : The White Book of the City of London / ed. and trans. H. T. Riley. London : R. Griffin, 1861. P. 204–205.
- 34 Memorials of London Life. XIIIth. XIVth, and XVth Centuries. A.D. 1276–1419 / ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green and Co., 1868. P. 435.
- 35 Calendar of Wills. Part 1. P. 236.
- 36 Calendar of Letters from the Mayor. P. 18–19.
- 37 Calendar of Wills. Part 2. P. 65.
- 38 The Cely Letters, 1472–1488 / ed. by A. Hanham. Oxford : Oxford University Press, 1975. P. 88–89 (далее – The Cely Letters)
- 39 Calendar of Wills. Part 1. P. 524.
- 40 Barron C. M. Op. cit. P. 366.
- 41 Calendar of Letters from the Mayor. P. 135–136.
- 42 Ibid. P. 103.
- 43 См.: Чернова Л. Н. Лондонский олддермен XIV века и его супруга : Джон и Джоан Пайел // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 23. С. 32–49.
- 44 The Cely Letters. P. 222.
- 45 Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. Sharpe. Letter-Book G (1352–1374). London : John Edward Francis, 1905. P. 124.
- 46 Calendar of Plea and memoranda rolls (1413–1437) of the city of London / ed. by A. H. Thomas. Cambridge : Cambridge University Press, 1943. P. 55.
- 47 Calendar of Wills. Part 1. 491 p.
- 48 Ibid. Part 2. 996 p.
- 49 Barron C. M. Op. cit. P. 370.
- 50 Calendar of Letters from the Mayor. P. 170.
- 51 Barron C. M. Op. cit. P. 370.
- 52 Calendar of Wills. Part 2. P. 262–263.
- 53 Ibid. P. 391.
- 54 Ibid. P. 602–603.
- 55 Ibid. P. 604.
- 56 Ibid. P. 520.

- ⁵⁷ Calendar of Letters from the Mayor. P. 170.
⁵⁸ *Barron C. M.* Op. cit. P. 370.
⁵⁹ Calendar of wills. Part 1. P. 482–483.
⁶⁰ Ibid. P. 499–500.
⁶¹ Ibid. Part 2. P. 477–479.
⁶² Ibid. Part 1. P. 336.
⁶³ Ibid. P. 160.
⁶⁴ Ibid. P. 170.
⁶⁵ Ibid. P. 169.
⁶⁶ Ibid. P. 191.
⁶⁷ Ibid. P. 423.
⁶⁸ Ibid. Part 2. P. 184.
⁶⁹ Ibid. P. 383.
⁷⁰ Ibid. P. 481.
⁷¹ Ibid. Part 1. P. 227.
⁷² Ibid. P. 269.
⁷³ *Barron C. M.* Op. cit. P. 372.
⁷⁴ Calendar of Wills. Part 2. P. 368–369.
⁷⁵ Ibid. P. 450.
⁷⁶ Ibid. Part 1. P. 169.
⁷⁷ Ibid. P. 233.
⁷⁸ Ibid. P. 665.
⁷⁹ *Rigby S. H.* English Society in the Later Middle Ages. Class, Status and Gender. London : Macmillan, 1995. P. 272.
⁸⁰ Calendar of Letters from the Mayor. P. 43.
⁸¹ Calendar of Wills. Part 2. P. 23.
⁸² *Sutton A. F.* Alice Claver, Silkwoman of London and Maker of Mantle Laces for Richard III and Queen Anne // *The Ricardian*. 1980. № 5. P. 243–247.
⁸³ Calendar of wills. Part 1. P. 233.
⁸⁴ Ibid. Part 2. P. 44.
⁸⁵ Ibid. P. 76.
⁸⁶ *Barron C. M.* Op. cit. P. 371.
⁸⁷ Ibid.
⁸⁸ Calendar of Wills. Part 1. P. 358.
⁸⁹ Ibid. P. 341.
⁹⁰ Ibid. P. 233.
⁹¹ Ibid. Part 2. P. 134.
⁹² Ibid. P. 298–299.
⁹³ Ibid. Part 1. P. 491.
⁹⁴ Ibid. Part 2. P. 454.
⁹⁵ Ibid. P. 563.
⁹⁶ *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории : Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М. : РОССПЭН, 2002. С. 79.
⁹⁷ См.: *Рябова Т. Б.* Указ. соч. С. 98.
⁹⁸ *Rigby S. H.* Op. cit. P. 275.
⁹⁹ *Barron C. M.* Op. cit. P. 371.
¹⁰⁰ Ibid. P. 373.

Поступила в редакцию 28.03.2021, после рецензирования 30.03.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 28.03.2021, revised 30.03.2021, accepted 12.04.2021